

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПРОБЛЕМЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО РОСТА

ХЛЫНИНА Т. П.

HISTORIC REGIONALISTICS: DISCIPLINE DEVELOPMENT MAJOR CONCEPTS AND PROBLEMS

KHLYNINA T. P.

В статье анализируется процесс становления относительно нового для отечественной историографии направления — исторической регионалистики. Рассматриваются причины регионализации современного историописания, его последствия, исследуется соотношение таких понятий, как краеведение, местная история, регионалистика.

The work analyses the process of historic regionalistics development as the new trend in national historiography, considers the reasons for modern history writing regionalization and its consequences, examines such notions as regional study, local history and regionalistics.

Ключевые слова: регионализация, краеведение, местная история, историческая регионалистика.

Keywords: regionalization, regional study, local history, historic regionalistics.

УДК 303.446.4:908

Развитие современного исторического знания представляет собою сложный и противоречивый процесс. В его пространстве осуществляется взаимодействие различных по своей методологической природе направлений исследовательского поиска. Подобное многообразие идейных представлений и теоретических подходов обусловлено как внутренними проблемами самой исторической науки, так и общими процессами, протекающими в интеллектуальной сфере. Их результатом становится широкомасштабная ревизия эпистемологических основ гуманитарного знания в целом, сохраняющая свои специфические особенности в отношении его отдельных отраслей. Вместе с тем изменения, происходящие в процессе постижения прошлого, сопровождаются не только стремительным обновлением явно устаревших историографических положений и объяснительных схем. Они свидетельствуют и о намерении профессионального сообщества выработать определенную систему ценностей, позволяющих ему ориентироваться в ситуации одномоментного сосуществования противоположных воззрений и концепций.

Так, возросший интерес исследователей к региональной проблематике вновь актуализирует, казалось бы, давно решенный вопрос о соотношении общего и единичного в историческом исследовании. История отдельных областей и местностей, а также населяющих их народов в последнее время все чаще определяет собою облик современного историописания. Если ранее историки настойчиво искали в местном материале подтверждения общероссийских закономерностей, то на сегодняшний день они предпочитают видеть в нем не только самобытную страницу российской истории, но и относительно автономную величину ее развития. В данной связи представляется целесообразным обратиться к анализу становления и дисциплинарного роста относительно нового направления исследовательского поиска — исторической регионалистики, в пространстве которой региональная история получает дополнительный импульс своего развития.

Становление новой российской государственности, начавшееся сразу же после распада СССР, привело к ряду серьезных изменений в области организации и практики исторических исследований. Будучи идеологическим рупором свершений «первой в мире страны победившего социализма», историческая наука в демократизировавшейся России нуждалась в явной перестройке. При этом осознание необходимости внутреннего обновления науки существенно уступало потребностям политической конъюнктуры. Дискредитация преимуществ советской административно-политической системы в условиях обострившихся межэтнических противоречий, множасьихся исторических обид и претензий народов друг к другу в конечном итоге привели к регионализации профессиональной историографии.

Процесс регионализации исторической науки, начавшийся в 1990-е гг. и совпавший с самоопределением российских территорий, являлся ответной реакцией новых субъектов на исчезновение координирующего научного центра и распада сложившихся институциональных взаимосвязей в области изучения прошлого. В содержательном отношении он свелся к преимущественному изучению «собственной» истории, а также ее правильному истолкованию. Наиболее сложной и неоднозначной оказалась ситуация в полиэтничных районах страны, где история региона зачастую произвольно подменялась историей ее титульных народов. Следствием такого переосмысления региональной истории стало усиление этноцентризма — исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания [1]. Его доминирование в новой региональной истории позволило исследователям заговорить о сформировавшемся специфическом феномене — этническом историзме. Он отличается тем, что действующие в истории разнообразные факторы отступают на второй план, а на первый выходят факторы этнического порядка. Начавшийся всплеск активности такого рода региональных историй привел к тому, что у многих российских народов обозначились собственные приоритетные темы исследований. Так, чеченцы сосредоточились на изучении создания государственности — имамата Шамиля, адыги — на последствиях махад-

жирства и трагедии этноса, репрессированные народы — на преступлениях эпохи сталинизма. Народы Урала и Поволжья ревизию региональной истории начали с национальных движений конца XIX — начала XX в.

Отличительными чертами регионализации исследовательской практики в рассматриваемый период времени становятся прогрессирующая самодостаточность местного историописания и его позиционирование в качестве одной из наиболее активно развивающихся отраслей социально-гуманитарного знания. По оценкам специалистов, эта тенденция вполне объяснима и связана с потребностью в прагматизации и технологизации социально-гуманитарных исследований в целом, а также особенностями современного этапа развития России как сложной этнофедеральной системы. Потребность в осмыслении причин кризисных явлений на региональном уровне, необходимость обобщения позитивного и негативного опыта развития российских территорий, нацеленного на получение востребованного в практическом отношении знания, придают регионоведческим исследованиям прошлого вполне обоснованный и профессионально легитимный характер [2].

В настоящее время приобретает широкое хождение и укореняется понятие «региональная наука», появившееся еще в 1950-е гг. Происходит перестройка системных и институциональных основ научного знания, формами которых все чаще становятся глобалистика и регионалистика. Они оказывают заметное воздействие на отраслевую историческую науку, ее инфраструктуру, язык и стиль исторического письма. Подобного рода изменения находят свое отражение и в структурных преобразованиях, произошедших в системе академического знания в целом. В настоящее время в системе Российской академии наук действуют три региональных отделения (Уральское, Сибирское и Дальневосточное) с входящими в них научными центрами (21) и 14 самостоятельных региональных научных центров (Кольский, Санкт-Петербургский, Карельский, Научный Центр РАН в Черноголовке, Пушчинский, Троицкий, Южный, Кабардино-Балкарский, Владикавказский, Дагестанский, Саратовский, Самарский, Казанский и Уфимский).

Необходимость их создания была вызвана, прежде всего, практическими по-

требностями в заполнении академических лакун, образовавшихся во многих российских регионах после распада Советского Союза. На Юге страны, например, в бывших союзных республиках вместе с инфраструктурой осталось около 300 академических институтов. В этой связи Российская академия наук поставила в ранг государственных задач по расширению своего присутствия на Юге России развитие фундаментальных исследований в регионе. В декабре 2002 г. Президиумом и Общим собранием РАН было принято решение о создании Южного научного центра, одним из исследовательских подразделений которого стала Лаборатория региональной истории и казачества. 20 мая 2008 г. Президиум РАН принял постановление о создании на основе Объединенного отдела Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Целью института является проведение комплексных социально-политических, экономических и гуманитарных исследований южного макрорегиона как целостного объекта научного познания для выявления закономерностей его функционирования, моделирования и прогнозирования развития в рамках единого политико-правового, экономического и социокультурного пространства России [3].

Региональная история: объем и содержание понятия. На сегодняшний день в определении самого концепта региональной истории, области и границ его бытования существует немало разногласий. Прежде всего, речь идет о разграничении предметных полномочий таких направлений исследования, как регионалистика/регионоведение, краеведение/историческое краеведение, локальная история/новая локальная история, провинциальная/региональная/местная история и историография. Впервые вопрос о дисциплинарном статусе региональной истории был поставлен в рамках международного семинара «Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт», организованного Институтом «Открытое общество» в Санкт-Петербурге в 2000 г.

Анализируя опыт и существующую практику решения аналогичных проблем, С. О. Шмидт предложил разграничить предмет краеведения и регионалистики по широте охватываемых ими явлений: «В наши дни регионоведение (или регионалистика) утвердилось как междисципли-

нарная научная и просветительская деятельность на стыке наук гуманитарного и иного профиля... Это комплекс более широких (и в то же время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, включающих современное состояние региона и сферу политологии... Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популяризаторскую и просветительскую работу определенной тематики: о прошлом и настоящем какого-либо края (обычно своего родного — «малой родины») и его памятников. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения...» [4].

В то же время взятый за основу пространственный масштаб позволяет рассматривать региональную историю и как историю «конкретных региональных сообществ и территорий», включающую в себя историко-научную и историографическую составляющую краеведения [5]; историю места, под которым понимается «совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность» [6]; историю научного «микрообщества» в виде «школы», «направления», «течения» исторической мысли [7]. При этом нередко история края понимается в качестве региональной или провинциальной историографии [8], а историческое краеведение отождествляется с регионалистикой [9].

На «новый» пространственный масштаб истории указывает и «новая локальная история». Ее организационное становление и исследовательская институционализация основываются на «рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Изучаемый локус предполагает не-локальность, так как исследовательская операция строится на признании глубокой взаимной детерминации «внешнего» и «внутреннего». Происходит осознание того, что «исторический ландшафт» не дан историку; историк должен его построить сам» [10]. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории «новая локальная история» сама определяет объект своего изучения, который заранее не задан ей территориальными рамками.

Многообразии бытующих версий, претендующих на определение предметных границ региональной истории, связывается и с не всегда ответственным отношением исследователей к рабочим языкам историографии. В этом отношении С. И. Маловичко и М. П. Мохначева отмечают: «Авторские трактовки этих предметных полей... демонстрируют различные точки зрения на субъект и объект историографического дискурса и историографического “письма” (текста)» [11].

Региональная историография как область исторического познания. Не менее дискуссионным остается и понимание региональной историографии, в истолковании предмета и дисциплинарного статуса которой сохраняется целый ряд нерешенных вопросов. Следует отметить, что интерес к региональным особенностям российской истории имеет давние традиции и восходит к появлению первых центров местного летописания на рубеже X—XI вв. Региональная история как область исторических исследований прошла долгий путь от простого собирательства древностей и описаний местной истории в XVIII в. до академических исследований конца XIX в. Однако если в первой половине XX в. в пространстве «большой» историографии она занимала второстепенное место, то за последние десятилетия ее статус коренным образом изменился.

В современных историографических исследованиях региональная составляющая чаще всего определяется понятием региональной историографии. Как исследовательская категория, она соединяет в себе частное и общее и представляет собой определенное пространственно-временное выражение единого историографического процесса. Ее появлению, по заключению современной украинской исследовательницы И. И. Колесник, способствовали две группы факторов. Первая оказалась тесно связанной с процессами самоидентификации локальных общностей на территории бывшего союзного государства и становлением в их рамках национальных историографий. Понятие регионального в данном случае выступает в качестве способа самоопределения локального во всемирном процессе, преодоления провинциализма и интеллектуальной изолированности. Вторая — со спецификой развития историографического процесса последней трети XX в., которая ознаменовалась расширением локальных исследований.

Исследовательница предлагает в качестве широкого понимания региональной истории науки изучение ее прошлого, отделенного от таких структур, как российская, польская, австрийская историческая наука. В узком значении это понятие может использоваться для изучения прошлого науки в отдельном регионе или родном крае. В широком социокультурном плане региональное выступает как общее. Это положение на примере украинской исторической науки И. И. Колесник иллюстрирует следующим образом: в своих научных формах украинская историография возникает в XVIII в., но в Левобережной Украине, включенной в состав Российской империи, она существует как определенное направление общероссийской исторической науки. При этом если рассматривать становление украинской историографии в контексте украинского национального возрождения, то она выступает уже в качестве региональной в широком значении этого слова [12].

Таким образом, категория «региональная историография» представляет проекцию понятия локальной истории на область истории исторической науки, способ осмысления всеобщего историографического процесса через национальное или локальное. В сам же предмет региональной историографии входят состояние научных и учебных учреждений, а также характер исследовательской работы в различных областях исторического познания.

По мнению другой украинской исследовательницы Я. Верменич, региональная историография представляет собою научное направление, которое предметно исследует закономерности становления и развития исторической мысли в конкретных регионах и процесс изучения региональной специфики. Вместе с тем региональная историография выступает и как подсистема страноведения. Отмечая, что предлагаемое определение все-таки не дает ответа на вопрос об объекте изучения региональной историографии, Я. Верменич предлагает разграничить области научного поиска. От региональной историографии следует отделить историографию региональных исследований, в сфере внимания которой должны находиться вопросы обобщения развития научного знания в регионах; проблемную историографию регионов, которая должна заниматься исследованием в историческом разрезе региональных особенностей и обобщением знаний о регионах.

Рассуждая о соотношении проблемных полей исторической регионалистики и исторического краеведения, Я. Верменич считает, что за пределы краеведения должна выходить та сфера региональной историографии, которая исследует региональную специфику развития исторической мысли. Именно поэтому региональную историографию следует воспринимать в двух ипостасях, выделяя онтологический и гносеологический ракурсы ее рассмотрения. Они включают в себя, с одной стороны, ее восприятие в качестве некоей реальности историографического процесса в его локально-хронологическом измерении и, с другой, — исследовательскую рефлексию этой реальности. Их взаимосвязь и относительная самостоятельность существования, собственно, и позволяют разграничить понятия региональной историографии как области изучения от региональной историографии как результата познавательного процесса. Поскольку историографический процесс подавляющим большинством исследователей признается аналогом понятия истории исторической науки, постольку и его региональная составляющая подчиняется той же номенклатуре исследовательских подходов [13].

Наряду с внешними по отношению к саморазвитию исторической науки аспектами существуют и внутренние потребности по уточнению предметных границ региональной историографии, что во многом обусловлено представлениями самих историков о базовых ценностях своей профессии. Нередко эту потребность связывают с проблемой дилетантизма в науке, необходимостью изучения взаимоотношений научного и околонучного пространства, деятельности историка-профессионала и историка-любителя, выяснения роли непрофессиональных исследователей в разработке проблематики научно-отраслевого знания. Зачастую попытки решения данной проблемы ограничиваются верификацией таких понятий, как провинциальная историография и историческое краеведение.

По заключению специалистов, концепт провинциальная историография требует более аккуратного обращения в работах по региональной и местной истории второй половины XIX и особенно XX столетия. Его появление в исследовательской практике отечественной исторической науки связано с развитием историописания в российской глубинке. Далеко не сразу в научном сообществе родилось понимание того,

что в каждой национальной историографии у этой категории будут свои хронологические рамки, уточнение которых напрямую связано с миром национальной культуры, с особой социокультурной средой провинции.

Практики регионального историописания, исследовательские центры и координация их деятельности. В российской региональной историографии за последнее время произошли достаточно серьезные изменения, которые требуют более глубокого осмысления, нежели это представлялось ранее. Ряд из них связан с последовательным отходом современной историографии от традиционной методологии и слабой методической подготовки специалистов. Он достаточно противоречив и определяется не столько поиском новых методологических решений в организации исторического знания, сколько разрушением системы подготовки специалистов-историков, в т. ч. и в области региональных исследований.

Вместе с тем, несмотря на переживаемые региональной наукой трудности, в качестве положительных изменений следует отметить усиление позиций региональной историографии с присущими ей специфическими интересами и темами, а также ярко выраженными регионально-цивилизационными подходами. Наблюдается институциональное становление отдельных направлений региональных исследований, идет процесс формирования региональных научных центров и самостоятельных школ.

О повышении значимости российской исторической регионалистики свидетельствует и состоявшаяся в июле 2006 г. международная конференция «Региональные школы русской историографии». Организатором ее проведения выступил Центр русистики Будапештского университета. На форуме рассматривался широкий круг вопросов от специальной терминологии и обобщения истории развития региональной историографии до конкретных вопросов, касающихся различных аспектов истории России. Анализировались понятия «научная школа», «регионалистика», «краеведение», обсуждались итоги и перспективы развития постсоветской исторической науки. Поднимались проблемы шотландской школы русской историографии; московской и петербургской историографических школ, их существования и взаимоотношения. Докладчики касались

таких тем, как гендерные исследования, изучение истории казачества, концепция раскола в русской церкви, региональная историография гражданской войны в России. Большой интерес вызвал доклад директора Института истории и археологии Уральского Отделения РАН, председателя его Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам академика В. В. Алексеева, подробно рассказавшего об особенностях формирования уральской региональной школы.

Уральская региональная школа изначально имела определенный, независимый от времени и научной или политической конъюнктуры предмет исследования — историю региона. Спектр проблем, разрабатываемых уральскими историками, чрезвычайно широк. Это колонизация Урала, развитие горнозаводской промышленности и промышленный переворот, история индустриального развития и рабочего класса, аграрная сфера, научно-техническая политика, культура, социально-политическое развитие и многие другие. При этом особое место занимают специализированные школы, среди которых школа византиеведения, политической и духовной культуры Запада, историографическая школа, школа российских модернизаций. Уральскую научную школу отличает не только интерес к собственно исторической проблематике, но и глубокое внимание к научной организации исследований, к теоретическим, методологическим, источниковедческим основам, творческим лабораториям крупнейших ученых. Подобная основательность и обеспечивает уральской регионалистике общероссийское и международное признание [14].

За последние десятилетия в отечественной исторической науке произошли большие перемены, в т. ч. в плане институциональной и корпоративной организации региональных исследований. Учебно-научный центр краеведения и москвоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кафедра региональной истории и краеведения факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ вот уже более десяти лет занимаются разработкой региональной истории России и исторического краеведения.

Значительно активизировалась деятельность Российского общества интеллектуальной истории. В 2001 г. на базе Кубанского государственного университета был

создан междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований [15]. Успешно развиваются исследования в области гендерной истории, исторической антропологии, регионального научного сообщества и других новаторских направлений. В 2002 г. на базе Ставропольского государственного университета при активном содействии ученых и преподавателей Историко-архивного института РГГУ был создан научно-образовательный центр «Новая локальная история», одной из программных задач которого является поиск путей преодоления теоретико-методологической пороговой не/совместимости «старой» и «новой» традиции в российской историографии региональной истории [16]. Аналогичную задачу включил в свою программу недавно созданный в Рязанском государственном педагогическом университете «Центр исторического регионоведения и краеведения». Продуктивные научные разработки региональной истории, географии, экономики, культуры ведутся в Сибири силами университетских преподавателей Омска, Томска, Новосибирска.

Достижения исторической регионалистики получают свое освещение на страницах научно-публицистического журнала «Регионология». Его разделы включают теоретические аспекты региональных проблем, блок практической информации, преимущественно правового характера, рубрики «Региональная историография» и «Провинциальная культура». Тем самым проблемное поле и потребности регионоведения смыкаются с интересами исторической науки, теории и истории культуры, культурологии, ряда социальных наук.

Появление и развитие электронной сети Интернета предоставили научному сообществу историков новую технологию научно-информационного обмена, которая кардинально изменила ситуацию в отношении не только любительского, но и профессионального изучения региональной истории.

Анализ обращения к ресурсам российского сегмента Интернета, ведущим и наиболее посещаемым поисковым системам Yandex и Rambler позволили М. П. Мохначевой сделать следующие выводы. В первой наиболее посещаемыми оказались 158 сайтов, во второй — 250 сайтов, содержащих разнообразную информацию по исторической проблематике, истории науки и техники, культуры, духовной

и политической жизни общества в прошлом и настоящем.

По отечественной истории в системе Yandex представлено 39 сайтов, в системе Rambler — 53; по всеобщей истории соответственно 31 и 55; по этнографии и региональной истории — 19 и 10. Самыми известными среди пользователей, ежедневно посещаемыми веб-страницами по истории российской провинции и провинциальной культуры XVIII—XIX вв. являются проект двуязычной (англо-русской) цифровой библиотеки «Встреча на границах» — «Meeting of Frontiers» и проект PULMAN—ХТ.

Опыт создания цифровой библиотеки «Встреча на границах» получил продолжение и развитие в проекте PULMAN—ХТ, реализация которого начата в 2001 г. при финансовой поддержке Европейской комиссии ЕЭС в рамках программы IST (Information Society Technologies). В этом проекте участвуют библиотеки и библиотечные ассоциации 36 стран, членов ЕЭС и кандидатов на вступление в ЕЭС. От России в проекте участвует Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского (Санкт-Петербург). В число задач проекта входит содействие объединению на местном уровне усилий библиотек, музеев и архивов по обеспечению посредством электронных источников широкого доступа пользователей Интернета к мировому и национальному культурному наследию [17].

Среди вузовских сайтов, специально посвященных разработке региональной истории, истории российской провинциальной культуры и историографии, следует отметить сайт «Новая локальная история» Регионального научно-образовательного центра (РНОЦ) Ставропольского государственного университета, созданного при поддержке и участии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва). В число основных кросс-исторических полей программы «Новая локальная история» РНОЦ входят сравнительное источниковедение локальной истории, интеллектуальная история Ставрополя, Северного Кавказа, история повседневности, городская история, а также новая биография. В мае 2003 г. РНОЦ и Историко-

архивный институт РГГУ провели первую Всероссийскую научную Internet-конференцию «Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография».

Анализ развития исторической регионалистики показывает, что в ходе реализации исследовательских программ компьютерные базы данных по локальной истории создаются очень редко. Имеющиеся же в качестве инструмента исследования истории региона практически не используются, поскольку нацелены на достижение в первую очередь популяризаторской или образовательной цели. Общий их недостаток — нечеткость структуры и низкий уровень представительности данных, а также ориентация на фактологию, а не на источники. При этом потенциальные возможности баз данных для изучения региональной истории не ограничиваются лишь сугубо спекулятивной стадией исследования. Как свидетельствует опыт разработки базы данных по истории Латгальского края «Latgales Dati» [18], наиболее перспективной является возможность гибкого моделирования истории региона, при котором база данных уже в своей структуре отражает факторы, определяющие идентичность края, а через них — и его историческую специфику. В результате сама база становится динамической моделью истории региона, видимой через призму источников [19].

Подводя итоги, следует отметить, что историческая регионалистика как самостоятельное исследовательское направление переживает период своего институционального становления. Динамизм ее развития определяется как общими переменами, происходящими в отечественной исторической науке, так и усилением позиций самих регионов и соответственно региональных научных центров. Отсутствие четкой дефиниции, определяющей предмет и область исследовательских задач региональной истории, ее предельно широкий и междисциплинарный характер позволяют рассматривать региональное историописание в качестве составной части российской историографической традиции, чьи усилия направлены в основном на изучение процесса отражения единичного в общем.

Примечания

1. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003. С. 5.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М., 2008. С. 46.

3. Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П. История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-н/Д., 2009. С. 13.
4. Шмидт С. О. Краеведение и региональная история в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>
5. Там же.
6. Гамаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9.
7. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историография (школа западнорусского права). М. Брянск, 1996; Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.
8. Бердинских В. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.
9. Маловичко С. И., Мохначева М. П. Регионалистика — историческое краеведение — локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости» [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>
10. Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография: материалы научной конференции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nlh.stavsu.ru>.
11. Маловичко С. И., Мохначева М. П. Указ. соч.
12. Попова Т. К анализу региональной историографии: институциональный подход. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.crs.org.ua/data/Regional_Historiography...
13. Там же.
14. Алексеев В. В. Уральская школа историков на международном форуме. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.uran.ru/gazetanu/2006/07/nu16_17/wvmnu_.
15. Междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mncipi.narod.ru>.
16. Научно-образовательный центр «Новая локальная история». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/>.
17. Мохначева М. П. Internet-образы российской провинциальной культуры XVIII—XIX вв. и задачи научного краеведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://his.1september.ru/2004/34/26.htm>.
18. <http://www.dpu.lv/LD/>.
19. Иванов А. С. База данных как динамическая модель истории региона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/30/99.html>.

Сведения об авторе:

Хлынина Татьяна Павловна, д-р ист. наук,
 гл. науч. сотрудник Южного научного центра РАН
 (Ростов-на-Дону).
 E-mail: tatiana_xl@mail.ru.